

УДК 930.26+393.2

О. А. Митько

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: omitis@gf.nsu.ru

КРЕМАЦИЯ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ТЕЛЕНГИТОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ)*

Алтайский народ сохранил в своей культуре древние черты, которые уходят корнями в средневековье. Особый интерес вызывает погребальный обряд теленгитов, в котором существовали различные формы погребальной обрядности и среди них обычай сожжения умерших. Основные сведения об этом обычае встречаются в этнографических описаниях ученых и путешественников XIX–XX вв. Наиболее подробное описание оставил в своих записках В. В. Сапожников, который в заброшенной юрте на р. Ак-хол обнаружил останки жены шамана. Тело женщины было сожжено на погребальном костре весной, а собранный прах должны были похоронить только осенью. Наблюдения В. В. Сапожникова дают возможность сделать вывод о том, что теленгиты хоронили тела сожженных на погребальном костре людей в два этапа. Этот же обычай известен по китайским письменным источникам у древних тюрков и енисейских кыргызов.

Ключевые слова: кремация, погребальный обряд, древние тюрки, енисейские кыргызы, теленгиты, вторичные захоронения, юрта.

В современной науке принято считать, что этническая история алтайцев, сформировавшихся в отдельную народность лишь в 20-е гг. прошлого столетия¹, отличается сложностью. По данным этнографов, антропологов и лингвистов, эта «сложность» характеризуется отсутствием вплоть до начала XX в. общего самоназвания, наличием нескольких типов хозяйственно-культурных укладов, диалектов и говоров, антропологическими особенностями территориальных групп коренного населения [Аристов, 1896. С. 67; Радлов, 1989. С. 122–123, 593 прим. 45; Швецов, 1900. С. 81; Ярхо, 1947. С. 9–17; Потапов, 1953. С. 5; Баскаков, 1981. С. 20; Дьяконова, 1984; Аксянова, 2002]. В то же время, возможно, именно благодаря «сложности» этнической истории, алтайцы сохранили в различных сферах своей культуры черты, уходящие корнями в средневековье. Особый интерес вызывает погребальный обряд, до недавнего времени представлявший собой синкретичный комплекс, в кото-

ром сочетались разновременные и разностадиальные представления и ритуальные действия. К наиболее архаичным элементам погребальной практики следует отнести обычай кремирования умерших, причем алтайцы сохранили воспоминания об этом обычае в гораздо большей полноте, нежели непосредственно связанные с енисейскими кыргызами хакасы, у которых встречаются лишь отдельные упоминания о трупосожжении [Крашенинников, 1966. С. 61; Элерт, 2002. С. 76].

Основные сведения о погребальной обрядности алтайцев содержатся в этнографических обзорах, большинство из которых, к сожалению, представляет собой лишь лапидарные сообщения. Тем не менее ввиду отсутствия иных источников анализ материалов этнографического характера, описывающих обряд трупосожжения, приобретает особую актуальность. Целью данной работы является выделение в нем наиболее архаичных элементов, зафиксированных в этно-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 07–01–00434а).

¹ Встречается и другая точка зрения, согласно которой за годы советской власти так и не произошла консолидация этнических групп Горного Алтая в единую народность [Тенгерев, 2000].

графических описаниях ученых и путешественников XIX–XX вв.

Еще в 40-х гг. XIX в. земский исправник Бийского уезда Томской губернии А. М. Горюхов отметил, что коренные насельники Алтая «хоронят покойников не везде одинаково: одни отвозят их в отдаленные места от жилищ и там заваливают камнями и лесом; другие зашивают в войлок и вешают на сучья высоких деревьев; третьи сжигают покойников на костре и в знак уважения хранят их пепел. В последнем случае закалывается любимая лошадь и также сжигается. Родственники и знакомые празднуют поминки, собравшись около особого огня, причем дело не обходится без кривляния шаманов, доходящих до исступления» [Краткое..., 1840. С. 228].

О существовании в середине XIX в. различных форм погребальной обрядности, среди которых отмечено и сожжение тел умерших, писал В. И. Вербицкий: «Тела умерших хоронят различно: или кладут в деревянные срубы, утвержденные сверху земли на 4-х столбах, или закапывают в горы вместе с любимыми конями покойников, или сжигаются, или, наконец, привешиваются на сучья деревьев в бересте» [Вербицкий, 1893. С. 86]. Двадцать с лишним лет спустя Д. Я. Самоквасов отметил, что по смерти сожжения удостаивались лишь представители социальной верхушки: «...недостойного или бедного человека... закапывают в неглубокие ямы, в землю... богатых же или весьма почтенных и достойных поведением сжигают на огне или вешают на лесину» [Самоквасов, 1876. С. 2]. В 1880 г. Н. М. Ядринцев, путешествуя по Горному Алтаю, встречался со свидетелями обряда трупосожжения и упомянул, что «у алтайцев еще недавно исчезло сжигание трупов». Возможно, это произошло под давлением русской администрации, запрещавшей проведение языческих культов и погребальных обрядов [Ядринцев, 1881. С. 19].

По мнению В. П. Дьяконовой, все упомянутые формы обряда, включая и трупосожжение, существовали у южных алтайцев, в первую очередь у теленгитов и алтай-кижи [Дьяконова, 1980. С. 104]. В то же время Е. М. Тошаква, в работе которой представлен раздел, посвященный анализу погребальной обрядности южных и северных алтайцев, отмечала, что алтай-кижи не применяли трупосожжение. По ее данным,

только у теленгитов вплоть до конца XIX в. существовал этот обряд [Тошаква, 1978. С. 141]. Можно добавить, что у южных алтайцев отмечено и негативное отношение к трупосожжению, в завуалированном виде оно проявлялось в сожжении костей умершего, в могиле которого, по мнению жителей Улаганского района, поселился «куремса» – злой дух [Луценко, 1898. С. 35]. Н. И. Шатинова также считала, что теленгиты придерживались трупосожжения до начала XX в. Как реминисценцию древнего обряда, сохранившегося до настоящего времени, можно рассматривать отмеченное ею сожжение во время похорон старой одежды умершего [Шатинова, 1981. С. 97, 99].

Наряду с трупосожжением теленгиты совершали погребения по обряду трупоположения в могильной яме или в насыпи древних курганов, в гроте, на дереве и на поверхности земли в деревянном срубе [Луценко, 1898. С. 20–35]. Последний способ погребения бытовал у них в течение всего XX в. В частности, деревянные надмогильные сооружения были отмечены Е. М. Тошаквой в 70-х гг. прошлого века у с. Чаган-Узун [Тошаква, 1978. С. 134, рис. 20–23]. В это же время ею были собраны воспоминания жителей Улаганского и Кош-Агачского районов, часть которых сами были свидетелями кремации, другим о подобных погребениях рассказывали родители. По их сведениям, к месту сожжения, как и при захоронении наземным и подземным способами, покойника доставляли на волокуше: арканом переплетали две жерди, которые перекрывались войлоком и закреплялись к седлу верховой лошади. На приготовленные заранее дрова или сухие сучья клали покойника (вместе с волокушей, на которой его доставляли). Тело со всех сторон обкладывали дровами, затем старший из присутствующих разжигал костер с четырех сторон (по сторонам света). Останки покойного складывали в войлочный мешок и подвешивали на дерево, после чего это место покидали. Такой способ захоронения назывался *кижиний согин отко ёртёр* [Там же. С. 130]. Е. М. Тошаква отнесла данный способ к наземным типам захоронения, хотя, на наш взгляд, его следует классифицировать как надземный – воздушный.

А. С. Суразаковым высказано предположение о том, что подобные теленгитские погребения можно связать с древнетюрк-

скими оградами, в которых некогда стояли вертикальные деревянные столбы, а в отдельных случаях были посажены деревья. При раскопках одной из оградок могильника Айрыдаш I в верхней части столбовой ямки были найдены бронзовый наконечник ремня и кальцинированные кости, которые, по его мнению, несмотря на неопределимость мелких фрагментов, можно связать с трупосожжением [Суразаков, 1983]. Однако, на наш взгляд, следует согласиться с В. Д. Кубаревым, оценившим гипотезу о назначении древнетюркских оградок для захоронения по обряду трупосожжения воздушным способом как слабо аргументированную и не подкрепленную результатами раскопок [Кубарев, 2001. С. 41–42]. Но и такая оценка не снимает вопрос о существовании у теленгитов надземных воздушных захоронений, совершенных по обряду трупосожжения, а лишь переводит ее в другую плоскость. В традиционной культуре народов Сибири известны погребения внутри стволов деревьев, носившие название «шаманских». Редкая форма захоронений – погребение кальцинированных костей в выдолбленном в стволе «шаманской» сосны углублении, зафиксирована И. В. Асеевым в Прибайкалье [Асеев, 1985. С. 168–169, рис. 5].

Две ритуальные формы, но в обратной хронологической последовательности – подвешивание тела умершего на дереве и последующее его сожжение, сочетались в погребальной обрядности селькупов и шорцев. У селькупов через три года собирали останки тел и сжигали их в грунтовой могиле. Стоит подчеркнуть, что в культуре северных алтайцев (тубаларов, челканцев и кумандинцев) сохранилось много черт, связывающих их с селькупами [Потапов, 1968]. Очень явственно обычай подвешивания тела умершего на дерево, а затем его сожжения выступает в преданиях шорцев о человеческих жертвоприношениях [Пелих, 1972. С. 203–204]. И все же наиболее близкие формальные аналогии типологического характера можно обнаружить в древнеиндийском материале. В источниках упоминается, что по завершении обряда собирания костей из прогоревшего погребального костра кальцинированные останки обмывали и помещали в урну или завязывали в кусок шкуры черной антилопы. Сосуд или узел подвешивали на ветку дерева шами. Через определенное время кости человека, совер-

шавшего при жизни жертвоприношения, вновь сжигали. Останки других умерших предавали погребению в могильных ямах [Пандей, 1990. С. 207].

История теленгитов (теленгутов / телеутов) прослеживается по письменным источникам восточных авторов вплоть до раннего и развитого средневековья. В своем названии они сохранили общетюркский этноним «теле», который в монгольское время приобрел аффикс множественного числа -нгут / -ут [Аристов, 1896. С. 341]. Считается, что впервые теленгиты упоминаются под именем долангэ / долань в составе конфедерации телесских племен в Монголии. Долангэ кочевали по р. Тунло и имели, по сведениям китайских источников, до 10 тыс. строевого войска [Бичурин, 1950. С. 301, 346]. Французский востоковед Л. Амби, рассмотрев встречающийся в различных источниках этноним «tälängüt», высказал сомнение по поводу его фонетической близости с t'ö-lo² (теле), но счел возможным принять, с большими оговорками, идентификацию долангэ с теленгитами [Hambis, 1957. P. 32–34]. Относительно недавно Н. В. Екеев предположил, что долангэ является производным от монгольского термина «долонгут» (семеро). Возможно, он мог означать название телесского племени jemu-oguz (семь огузов). Близкий по звучанию этноним долган отмечен у уйгуров [Екеев, 2002. С. 124]. Тем не менее название «теле» широко представлено в топонимике Алтая. По мнению этнографов, отдельные сеоки не только южных, но и северных алтайцев входили в раннесредневековое объединение тюркоязычных кочевников «теле» [Потапов, 1972. С. 53–54].

По данным антропологов, у чуйских теленгитов в наиболее чистом виде сохранился южно-сибирский антропологический компонент, что может быть связано с домонгольским периодом их истории. Однако не исключено и влияние на него незарегистрированной казахской примеси, хотя в течение длительного времени в межэтнических

² В фонетической форме названия телесов (тёёлёсов), которых выделяют как особое племя или род, также присутствует термин «тёле». Существует предположение, что он отражает не этническую близость, а существовавшую у древних тюрков военно-административную систему телис / тардуш [Кубарев, 1998. С. 292].

отношениях теленгитов и казахов превалирует социальная изоляция [Аксянова, 2002. С. 18, 19]. Д. Г. Савинов отметил у теленгитов ряд архаичных элементов в снаряжении верхового коня и в предметном комплексе, связанном с человеком [Савинов, 1984. Рис. 1, 1–14]. По его мнению, они находят ближайшие параллели в археологических памятниках Тувы и Минусинской котловины предмонгольского времени, и это может свидетельствовать о переселении теленгитов во второй половине XII – начале XIII в. на Алтай, в процессе которого ими были восприняты многие черты материальной культуры местных племен [Там же. С. 143–145].

В сочинении Рашид-ад-Дина содержатся упоминания о теленгитах (теленгутах), обитавших по лесам в пределах страны киргизов и кэм-кэмджиутов, по соседству с капканасами и урасутами [Рашид-ад-Дин, 1952. С. 123]. Вопрос о возможном тождестве последних с усинцами детально рассматривался Л. Амби, который отметил, что после XIV в. имя теленгитов в письменных источниках восточных монголов редко появляется [Hambis, 1957. P. 29–30].

Легендарные сведения о переселении теленгитов на Алтай из страны Конграй-Сагай были собраны Г. Н. Потаниным [1883. С. 7]. Название Конграй / Хонгорай, от которого происходит стяженная форма этнонима «хоорай», в позднем средневековье получила территория Хакасско-Минусинской котловины и вся долина Среднего Енисея с окружающими ее горными хребтами [Бутанаев, 1985. С. 26–28].

Погребальный обряд теленгитов – явление сложное и на основе лишь письменных источников не находит ясного и непротиворечивого объяснения. Отсутствие единого погребального обряда объясняется конкретными этническими, географическими и религиозными причинами. Среди последних исследователи отмечают наличие у теленгитов шаманизма, христианства и бурханизма [Дьяконова, 2001. С. 190]. Однако христианство и бурханизм получают распространение на Алтае лишь в период этнографической современности. По мнению В. П. Дьяконовой, бурханизм не дает объяснения воздушному способу захоронения кальцинированных останков, хотя и представляет возможность поиска «соблазнительных аналогий» этого обряда у буддистов-ламаистов Тибета, Мон-

голии и Тувы. Вслед за Л. П. Потаповым наличие кремации у теленгитов она связывает с присутствием в этническом составе алтайцев сеока дьет ысары, который рассматривается как один из родов потомков енисейских кыргызов, попавших на Алтай в XVII в. [Дьяконова, 2001. С. 196].

К настоящему времени накоплен достаточно репрезентативный археологический материал по позднесредневековым погребениям теленгитов, совершенным по обряду трупоположения [Кубарев, 2007]. В то же время на территории их проживания погребения, совершенные по обряду трупосожжения, представлены в незначительном количестве. Гораздо больше их выявлено в северных предгорьях Горного Алтая и все они отнесены к кыргызским памятникам [Худяков, 1990; 1995; 2001; Могильников, 2001; 2002]. При этом, кроме самого факта трупосожжения, ни в хронологическом, ни в типологическом отношении данные погребения не соответствуют этнографическим описаниям теленгитских захоронений.

В уже упомянутом выше описании способа захоронения *кижиний согин отко ёртёр* о хронологическом промежутке между сожжением и размещением кальцинированных костей на дереве не сообщается. Тем не менее в качестве специфической особенности погребального обряда теленгитов при захоронении кремированных останков можно выделить два этапа. В этой связи крайне интересны описания этнографического характера, сделанные известным сибирским географом и ботаником, профессором В. В. Сапожниковым, совершившим несколько крупных экспедиций на территорию Горного Алтая [Бердышев, Сипливинский, 1964].

Будучи наблюдательным и пытливым ученым с широким научным кругозором, В. В. Сапожников отмечал интересные вещи из самых различных областей знания. Верный последователь классического экспедиционного правила – ничего не доверять памяти, и все заносить в дневник, он оставил подробное описание кремированных останков жены шамана. Они были обнаружены в верховьях р. Ак-хол притока р. Чаган-Узун, в заброшенной юрте, двери которой, как отметил В. В. Сапожников, были обращены на восток. Рядом с юртой «под деревянным срубом лежала еще не сгнившая лошадь». «Внутренность юрты оказалась чисто при-

бранной, и различные вещи распределены в определенном порядке. Посередине юрты сделан помост на четырех кольях наподобие высокого стола, на нем положены темно-синее женское платье, шуба, седло; на углу висела сумка с хозяйственной утварью (котелок, ложка, кусок курдюка и пр.); сзади за помостом висела вторая сумка. Направо от входа разостлана кошма, а на левой стороне повешено довольно много хорьковых шкур и с ними какие-то синие вязаные полоски наподобие чулок. Рядом с помостом немного дров, а по левую руку от него высокий выюнный ящик из тонкого дерева и большая деревянная чашка, на том и другом в стоячем положении укреплены два жертвенных бубна. В ящике оказалась короткая шуба с погремушками и сплошной длинной бахромой из разноцветных шнурков – костюм для камлания; между шнурками – два изображения змей; тут же лежали два головных убора с перьями и мелкими ракушками и маленький кожаный мешочек с двумя камушками (один кристалл горного хрусталя). Рядом с ящиком пара сапог. Таким образом, родственники позаботились, чтоб покойница была прилично обставлена в будущей жизни. Но где же, однако, сама покойница?

Не вскрытым оставался только небольшой ящик, положенный на помост и закрытый платьем и шубой; открыли и его, и здесь нашли покойницу, или вернее, кучу костей, сложенных в беспорядке. Все кости носили на себе следы огня; кости рук и ног почти совершенно сожжены и отчасти рассыпаются, но грудная клетка вместе с черепом истлела мало, и отдельные кости еще были скреплены связками. Калмык объяснил нам, что *сожжение совершается в два приема, и весной совершено только первое, неполное, а окончательное должно быть через полгода после первого*» (выделено нами. – О. М.) [Сапожников, 1949. С. 140–141].

Анализируя описание зафиксированной В. В. Сапожниковым ситуации, можно выделить ряд характерных деталей, одна из которых содержит, на наш взгляд, элементы глубокой архаики. Так, по сведениям китайских источников, на территории Южной Сибири и Центральной Азии осуществление погребения, совершенного по обряду трупосожжения в два этапа, было характерно для тюрков-тугю и енисейских кыргызов. Тугю

после сожжения умерших «собирают пепел и зарывают в определенное время года в могилу. Умершего весной и летом, хоронят, когда лист на деревьях и растениях начнет желтеть или опадать; умершего осенью или зимой хоронят, когда цветы начинают разворачиваться» [Бичурин, 1950. С. 230]. В переводах описания погребального обряда тугю из Тан-шу и Чжоу-шу, сделанных Лю Маоцзаем, также говорится о похоронах праха в «надлежащее время». В сообщениях, помещенных в Суй-шу и Бей-ши, о более позднем времени захоронения не упоминается [Добжанский, 1989. С. 174].

У енисейских кыргызов, согласно сведениям, извлеченным из Тан-шу, временной интервал между сожжением и погребением составлял год: «...собранные же кости через год погребают. После сего в известные времена производят плач» [Там же. С. 353]. Г. В. Длужневская, опираясь на наблюдения при раскопках курганов енисейских кыргызов в Туве и сравнивая их с системой погребально-поминальной обрядности тюркоязычных народов Саяно-Алтая, пришла к другому выводу. По ее мнению, вопреки сообщениям китайских историографов, кремнированные останки попадали в могилу вскоре или сразу же после сожжения, но человек считался погребенным только через год [Длужневская, 1996. С. 136].

Также следует отметить, что, как пишет В. В. Сапожников, рядом с юртой находился деревянный сруб с останками лошади, которая не была сожжена на погребальном костре. Сам сруб соответствует наземной могиле-срубам, в котором теленгиты хоронили умерших по обряду трупоположения. В данном случае можно лишь предполагать, каким образом будут погребены кальцинированные кости после их вторичного сожжения – воздушным способом или в могиле-срубам рядом с лошадью.

Не был сожжен на погребальном костре и инвентарь, предназначенный умершей, и возможно, это должно было произойти при вторичном сожжении. В целом же он типичен (платье, шуба, седло и сумка с хозяйственной утварью, в которой находился котелок, ложка, кусок курдюка) для набора погребального инвентаря, сопровождающего умерших теленгиток [Тошаква, 1978. С. 144–147].

Можно констатировать, что отмеченные детали свидетельствуют о вариативности

теленгитского погребального обряда трупосожжения, промежуточный этап которого зафиксирован В. В. Сапожниковым. Сочетание разнохарактерных явлений можно объяснить положением умершей, которая была женой шамана. По свидетельству Е. М. Тошачковой, у теленгитов для шаманов предусматривался особый погребальный ритуал [Тошачкова, 1978. С. 133–134]. Возможно, частично или полностью, этот ритуал мог распространяться на членов семьи шамана.

Практическую сферу погребальной обрядности теленгитов дополняют представления о посмертном состоянии сожженного на погребальном костре человека, зафиксированные Н. И. Шатиновой. Она отметила, что на поминках на седьмой день көспөкчи (ясновидец) видел образ умершего, выходящего из поминального огня [Шатинова, 1981. С. 103].

Комментировать смысловое содержание любого небольшого фрагмента мировоззренческой системы всегда крайне сложно. Л. П. Потапов высказал предположение, что, возможно, исчезновение тела умершего в пламени огня при похоронах сожжением, распространенных у древних тюрков, было некогда связано с представлением о переселении умершего на небо и о связи его с пламенем, в котором он не только исчезал, но из которого мог и появиться [Потапов, 1991. С. 158]. На наш взгляд, в ряду возможных ассоциаций данное предположение, не являясь исчерпывающим, тем не менее может претендовать на реконструкцию смысловой символики погребальной обрядности теленгитов.

Список литературы

- Аксянова Г. А.* Антропология современных групп коренного населения Горного Алтая // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002 г., Тобольск). Тобольск; Омск, 2002. С. 17–20.
- Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // ЖС. 1896. Т. 6, вып. 3–4. С. 277–456.
- Асеев И. В.* Отражение некоторых аспектов шаманизма в археолого-этнографическом материале Прибайкалья и Забайкалья // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск, 1985. С. 161–172.
- Баскаков Н. А.* Алтайская языковая семья и ее изучение. М., 1981. 135 с.
- Бердыев Г. Д., Сипливинский В. Н.* Выдающийся сибирский ученый и путешественник Сапожников В. В. Новосибирск, 1964. 135 с.
- Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Ч. 1. 383 с.
- Бутанаев В. Я.* К исторической этнонимике хакасов (термин Хоорай) // Историческая этнография. Проблемы археологии и этнографии. Л., 1985. Вып. 3. С. 25–29.
- Вербицкий В. И.* Алтайские инородцы. Горно-Алтайск, 1893. 270 с.
- Длужневская Г. В.* Погребально-поминальная обрядность енисейских кыргызов и шаманистский погребальный обряд тюркоязычных народов Саяно-Алтая и Южной Сибири // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996. С. 134–136.
- Добжанский В. Н.* К вопросу о погребальном обряде восточных тюрков // Маргулановские чтения. Алма-Ата, 1989. С. 173–177.
- Дьяконова В. П.* Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая) М., 2001. 224 с.
- Дьяконова В. П.* Этнические и историко-культурные связи народов Южного Алтая и Тувы // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984. С. 21–25.
- Дьяконова В. П.* Алтайцы // Семейная обрядность народов Сибири. М., 1980. С. 100–107.
- Екеев Н. В.* Алтайская этногония (вопросы состава, типологии, этимологии, стратиграфии) // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2002. № 8. С. 120–136.
- Краткое этнографическое описание бийских или алтайских калмыков, составленное из записок бывшего земского исправника Бийского уезда Томской губернии г. Горохова // ЖМВД. СПб., 1840. Ч. 38, № 10. С. 201–228.*

Крашенинников С. П. В Сибири. Неопубликованные материалы. М.; Л., 1966. 240 с.

Кубарев Г. В. Теленгитские погребения Южного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2007 года. Новосибирск, 2007. Т. 13. С. 293–297.

Кубарев В. Д. Изваяние, оградка, балбалы (о проблемах типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминальных сооружений Алтая и сопредельных территорий) // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул, 2001. С. 24–54.

Кубарев Г. В. К этнополитической ситуации на территории Алтая в VI–XI вв. н. э. // Сибирь в панораме тысячелетий: Материалы междунар. симп. 1998. Т. 1. С. 290–298.

Луценко Е. И. Поездка к алтайским теленгитам // Землевладение. М., 1899. Т. 5, кн. 1–2. С. 1–37.

Могильников В. А. Кочевники северо-западных предгорьев Алтая в IX–XII веках. М., 2002. 362 с.

Могильников В. А. Курганы с трупосожжениями в северо-западных предгорьях Алтая // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул, 2001. С. 77–139.

Пандей Р. Б. Древнеиндийские домашние обряды (обычай). М., 1990. 328 с.

Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. 424 с.

Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883. Вып. 4. 1040 с.

Потапов Л. П. Алтайский шаманизм. 1991. 321 с.

Потапов Л. П. Тубалары Горного Алтая // Этническая история народов Азии. М., 1972. С. 52–66.

Потапов Л. П. Из этнической истории кумандинцев // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 316–323.

Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.; Л., 1953. 444 с.

Радлов В. В. Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989. 749 с.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. 1. 222 с.

Савинов Д. Г. Некоторые древние элементы в материальной культуре теленгитов // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул, 1984. С. 140–145.

Самоковасов Д. Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава, 1876. 308 с.

Сапожников В. В. По Алтаю. М., 1949. 579 с.

Суразаков А. С. О совещании по итогам полевых исследований 1982 г. в Горно-Алтайском НИИИЯЛ // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск, 1983. С. 164–165.

Тенгереков С. И. Теленгеты. Историко-этнографический очерк. 2000 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fiction-book.ru/author/tengerekov_innokentiyi_sergee_vich_telengetiy/ (дата обращения: 10.05.2008).

Тоцакова Е. М. Традиционные черты культуры алтайцев (XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1978. 160 с.

Шатинова Н. И. Семья у алтайцев. Горно-Алтайск, 1981. 184 с.

Швецов С. П. Горный Алтай и его население. Барнаул, 1900. Т. 1, вып. 1. 370 с.

Худяков Ю. С. Предметный комплекс из памятников кыргызов XI–XIII вв. в Горном Алтае // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул, 2001. С. 161–171.

Худяков Ю. С. Енисейские кыргызы на Алтае и Прииртышье // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. Новосибирск, 1995. Т. 2. С. 58–61.

Худяков Ю. С. Кыргызы в Горном Алтае // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 186–201.

Элерт А. Х. Болезни, смерть и погребальные обряды у тюрков Сибири XVIII в. (по экспедиционным материалам Г. Ф. Миллера) // Этнографо-археологические комплексы. Проблемы культуры и социума. Новосибирск, 2002. С. 67–80.

Ядринцев Н. М. Об алтайцах и черневых татарах // ИРГО. 1881. Т. 14, вып. 14. (Отдельный оттиск). 27 с.

Ярхо А. И. Алтае-саянские тюрки. Антропологический очерк. Абакан, 1947. 148 с.

Hambis L. Notes sur la trois tribus de l'Enissei superieur les us, qapqanas et Tälängüt // Journal Asiatique. 1957. Т. 265, № 1. P. 25–34.

О. А. Mit'ko

**CREMATION ON FUNERAL CEREMONY OF TELENGITS
(IN MATERIALS OF ETHNOGRAPHIC SUPERVISION)**

Altay people has kept ancient features which leave the roots in a Middle Ages in the culture. Special interest causes a funeral ceremony telengits in which there were various forms of funeral ceremonialism and among them custom of burning died. The basic data on this custom meet in ethnographic descriptions of scientists and travellers XIX–XX century. The most detailed description has left in V. V. Sapozhnikov's notes which in deserted yurte on the river Ak-hol has found out remains of the wife of the shaman. The body of the woman has been burnt on a funeral fire in the spring, and the collected ashes should bury only in the autumn. V. V. Sapozhnikov's supervision enable to draw a conclusion that telengits bodies of people burnt on a funeral fire in two stages buried. The same custom is known on the Chinese written sources at ancient turks and Yenisey kirgizs.

Keywords: cremation, funeral ceremony, ancient turks, Yenisey kirgizs, telengits, secondary burial places, yurta.